

На правах рукописи

КОБЗАРЕВА Наталья Ивановна

**ЭВОЛЮЦИЯ МИРА СТАРОСТИ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ
В 50 ГГ. XIX В. – 1917 Г.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГУБЕРНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Белгород – 2014

Работа выполнена на кафедре российской истории
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

Научный руководитель: **Шаповалов Владимир Анатольевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Официальные оппоненты: **Безгин Владимир Борисович**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»

Асташова Алла Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГКВООУ ВПО «Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж) Министерства обороны Российской Федерации»

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный педагогический университет»

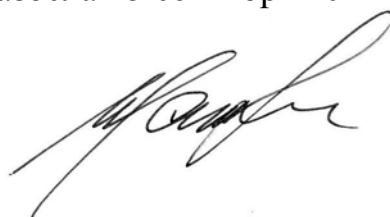
Защита диссертации состоится 6 ноября 2014 г. в 14 ч. 00 м. на заседании Диссертационного совета Д 212.015.11 по защите докторских и кандидатских диссертаций в ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14, корпус 2, зал заседаний Ученого совета, ауд. 260.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»).

Текст автореферата размещен на официальном сайте ВАК РФ <http://vak2.ed.gov.ru/> и на официальном сайте ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» <http://www.bsu.edu.ru>

Автореферат диссертации разослан 5 сентября 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

И.Т. Шатохин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Социальная история России XIX века в контексте половозрастной тематики изучена достаточно широко. Но есть одно исключение – это мир старости в его исторической ретроспективе. Он остался вне поля зрения исследователей, не считая отдельных этнографических работ. Без разработки данной темы социальная история остается весьма усеченной. Но само отношение общества к миру старости в его различных хронологических аспектах отражено больше в художественной литературе и публицистике, чем в научных исследованиях. То же самое можно сказать и об отношении стариков к своему возрастному и социальному миру.

Актуальность работы обусловлена еще и состоянием современного общества. Согласно прогнозам¹, в 2015 г. в России будет насчитываться 35 млн. пенсионеров. Прогресс в медицинской науке, гуманизация отношений увеличивают продолжительность жизни населения. Старость – неизбежность, таинственный этап в жизни каждого человека. Результаты гуманизации позволяют нам не воспринимать этот этап как сплошные ограничения и собственную вынужденную бесполезность. Тем не менее, предпринимаются попытки отсрочить старость: от коррекции внешнего вида до выбора моделей поведения, присущих юношескому возрасту. Эта ситуация отражается и в современном языке. Слова «старик», «старуха» заменяются менее категоричными синонимами: «пожилой», «бальзаковского возраста», «ветеран». Это дань либерализации общества и уважению к старшему поколению.

Цель исследования – определить роль стариков и значение старости как жизненного этапа в русской крестьянской среде XIX в. Достижение цели предполагает решение следующих **задач**:

- проанализировать источники по теме исследования, представить обзор литературы;
- уточнить понятия «старость», «старик» для XIX в., обозначить основные критерии и возрастные границы наступления старости;
- охарактеризовать внешнюю атрибутику старости: особенности одежды, манеры поведения;
- изучить отношение к старикам в крестьянском обществе и выявить факторы его изменения;
- изучить восприятие старости старшим поколением в крестьянской среде;
- охарактеризовать функции стариков в крестьянской семье и общине;
- проследить эволюцию представлений о старости в русской деревне в течение XIX в.

Объект исследования – старики как социальная возрастная группа русской крестьянской деревни XIX в.

¹ Елков И. Умирать не захочется // Российская газета, 2014. – № 8. – С. 12.

Предмет исследования – представления в крестьянской среде, связанные со старостью как этапом человеческой жизни.

Хронологические рамки исследования: 50-е годы XIX века – 1917 г. Нижняя граница – 50-е годы XIX века – последнее десятилетие существования в русской крестьянской среде замкнутого традиционного уклада, не нарушаемого серьезными веяниями извне. Уже следующее десятилетие в Российской империи прошло под знаком либеральных реформ Александра II, оказавших влияние на сознание русского крестьянства. Верхняя граница исследования – 1917 г. – время масштабных, коренных изменений, затронувших, в том числе, социальную и культурную сферы российского общества. Выбор указанного периода обусловлен поставленной задачей: выяснить влияние отмены крепостного права, общей либерализации отношений на восприятие старости крестьянским сознанием, сравнить дореформенный и пореформенный периоды в этом аспекте.

Территориальные рамки исследования охватывают Центральное Черноземье как регион с преобладанием земледелия в качестве основного занятия крестьян и сохранением связанного с земледелием традиционного уклада. Часть фактического материала приводится по Курской, Воронежской, Тамбовской губерниям. Ключевые установки, связанные с восприятием старости, были общими для всего великороссийского крестьянства Центрально-Европейской части государства, поэтому возможно изучение представлений о старости с привлечением сведений обо всём русском крестьянстве. С учётом ментальной близости восточных славян¹, в исследовании привлечены материалы этнографических работ по Харьковской губернии, украинский и белорусский фольклор.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Установлено, что старость в русской крестьянской деревне XIX века не только предопределялась биологически, но и конструировалась социально: в общественном сознании существовал устойчивый образ старости, которому старшее поколение старалось соответствовать;

2. Уточнены понятия «старость», «старик» для русской крестьянской среды XIX в., обозначены критерии наступления старости в крестьянской среде, особенности и способы устойчивой, положительной самоидентификации стариков со своей возрастной категорией;

3. Выявлены отличия в восприятии старости крестьянством и другими сословиями российского общества XIX в.;

4. Рассмотрена внешняя атрибутика старости: особенности внешности, одежды, манеры поведения стариков; с введением понятия «возрастной дисплей» с помощью синтеза создаются типичные образы «старика» и «старухи»;

¹ Додонов Р.А. Теория ментальности: учение о детерминантах мыслительных автоматизмов. – Запорожье, 1999. – С. 223.

5. Выявлены изменения отношения к старикам в русской крестьянской деревне пореформенного периода, раскрыты факторы изменений; прослеживается связь характера отношений к старикам в семье с типом семьи, благосостоянием домохозяйства, ведущим занятием (земледелие или отхожие промыслы);

6. На основе изучения места стариков в крестьянской семье, их власти в домохозяйстве смоделированы три условных сценария старости;

7. Сопоставлены ценностные установки сознания молодого и старшего поколений русской деревни второй половины XIX века, благодаря этому удалось детализировать содержание концепта «консерватизм» в сознании старшего поколения крестьянской деревни;

8. Показана роль старшего поколения в крестьянской семье, обозначены функции стариков в общине;

9. Раскрыты особенности восприятия старости старшим поколением в крестьянской среде.

Положения, выносимые на защиту:

1. В крестьянской среде бытовало три критерия наступления старости: хронологический, физиологический и социально-экономический. Для крестьянского общества более значимым был социально-экономический критерий.

2. Сословия русского общества отличались пониманием «этоса старости». Если дворянство пыталось отсрочить старость, то старшему поколению крестьянской среды XIX века была свойственна устойчивая положительная самоидентификация со своим возрастом.

3. В сознании русского крестьянства XIX века существовал чёткий образ старости, передававший «должные» внешний вид и манеру поведения. Возрастной дисплей стариков включал соответствующие внешность, одежду, сопутствующие детали, специфическую манеру поведения и индикативные события.

4. Старшее поколение крестьянской семьи принимало посильное участие в хозяйственной жизни двора, руководя работами, требующими опыта, выполняя второстепенные домашние работы, занимаясь воспитанием и воцерковлением детей, при этом соблюдалось традиционное разделение работ на мужские и женские.

5. Отношение к старшему поколению в крестьянской семье зависело от благосостояния и типа крестьянской семьи. Гораздо большим почётом пользовались старики в зажиточной неразделённой семье. К концу XIX века с ростом количества семейных разделов важным фактором, определявшим статус старика в семье, становится не возраст, а работоспособность старика.

6. На протяжении XIX в. старики выполняли общественные функции, высказывая мнение на сельском сходе, исполняя общественную должность,

выступая ходатаем от крестьянского общества. К концу XIX в. отношение к старикам в крестьянской общине трансформируется, снижается их авторитет.

7. Мировоззрению старшего поколения крестьян был свойствен консерватизм, который проявлялся в идеализации прошлого, боязни новшеств, сохранении иерархичной модели отношений, в недовольстве гуманизацией, в ориентации на традицию при решении хозяйственных вопросов. К концу XIX века консерватизм как черта старшего поколения проступает особенно отчётливо по сравнению с поколением пореформенной России.

8. Приняв в качестве критерия роль старшего поколения в семье, его работоспособность, понимание собственной жизненной задачи, можно выделить три условных сценария старости:

– «страхом спасать» – старость «большака» в неразделённой зажиточной семье, сценарий, присущий Центральному Черноземью;

– «лапти плести» – старость отошедшего от большинства, справляющего нетрудные хозяйственные работы;

– «с сумой по миру идти» – бесприютная старость в нищенстве.

9. В сознании крестьян старость понималась как неизбежный жизненный этап, оценивалась негативно, ассоциировалась с уродливостью, немощью, бедностью. В устном народном творчестве бытовали устойчивые образы «старика» и «старухи», отношение к ним дифференцировалось: в большей степени положительно воспринимался старик. Старшее поколение крестьянства воспринимало свою старость примиренно, признавало, что она обесценила жизнь, спокойно ожидало смерти.

Источниковая база исследования включает архивные и опубликованные источники. В Государственном архиве Белгородской области (ГАБО) представлены материалы фонда волостного правления Белгородского уезда – посемейные списки жителей двух селений¹, учётный документ, отражающий состав семьи. Особый интерес в ГАБО представляет фонд Безыменского сельского общества Грайворонской волости и уезда Курской губернии. Книга на записку приговоров сельского схода² содержит сведения о дате схода, количестве крестьян, имеющих право участвовать и участвовавших в сходе, содержании приговора схода.

В качестве источника для изучения религиозности как черты старшего поколения привлекаются исповедные ведомости (рописи)³. Данный источник представляет собой ежегодные списки прихожан, бывших на исповеди, то есть принявших покаяние в грехах перед священником. Для нас важно, что указывался возраст прихожан, значит, существует возможность сравнить в этом плане стариков и молодёжь. Нравы, благочестие крестьянства, отношение детей к родителям, степень соответствия всего

¹ Государственный архив Белгородской области (далее ГАБО). Ф. 91. Оп. 1. Д. 5; ГАБО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 3.

² ГАБО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 3.

³ ГАБО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 280; Ф. 139. Оп. 1. Д. 293; Ф. 137. Оп. 1. Д. 187; Ф. 137. Оп. 1. Д. 289; Ф. 138. Оп. 1. Д. 243.

этого христианскому идеалу оценивали в своих рапортах сельские приходские священники Тамбовской епархии¹.

В работе используются материалы официальной статистики². Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи по Курской и Воронежской губерниям позволяют уточнить половозрастной состав населения губерний, установить соотношение стариков мужчин и женщин в Центральном Черноземье, получить дополнительные сведения об уровне грамотности стариков.

Разноаспектные сведения о мире старости в крестьянской деревне XIX века содержат этнографические источники³. Энциклопедически широко освещают крестьянский быт конца XIX века материалы этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. Практически по всем пунктам программы корреспонденты приводили и сведения, касающиеся стариков.

Важным источником для изучения мира старости в русской деревне служат опубликованные воспоминания самих крестьян⁴ и представителей дворянства, хорошо знакомых с крестьянской деревней⁵. В воспоминаниях С.А. Туника показаны быт и нравы крестьян Корочанского уезда Курской губернии. Свои наблюдения за жизнью крестьянства (1872-1887 гг.) представил в виде публицистических очерков А.Н. Энгельгардт⁶. В его книге компетентные размышления о хозяйственном укладе иллюстрируются описанием быта, обычаев, нравов крестьянства, включая и стариков.

В отношении исследования истории крестьянской ментальности очень мало вышло работ⁷, где бы нашли отражение установки сознания, бытующие в фольклоре (народные сказки, песни, пословицы, поговорки). К анализу привлекались сюжеты русских и украинских народных сказок⁸.

Обращаясь к сказке как к источнику, важно помнить, что одно из свойств сказки – установка на вымысел. Для исследования аспектов ментальности это скорее положительный, чем отрицательный момент, поскольку характеризует устремления – человек был свободен в создании

¹ Государственный архив Тамбовской области. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2076.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи. – Т. X. – Воронежская губерния, 1897; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. – Т. XX. – Курская губерния, 1904.

³ Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. – СПб., 1993; *Снегирёв И.М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. – Вып. I. – М., 1837.

⁴ *Столяров И.* Записки русского крестьянина // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. – М., 1989; Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. – М., 2006.

⁵ Записки земского начальника А. Новикова. – СПб., 1899; *Туник С.А.* Белогвардеец. Воспоминания. – М., 2010.

⁶ *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872-1887. – М., 1987.

⁷ *Пушкарёв Л.Н.* Духовный мир русского крестьянина по пословицам и поговоркам XVII-XVIII вв. – М., 1994.

⁸ *Афанасьев А.Н.* Народные русские легенды. – М., 1859; Великорусские сказки Пермской губернии: сб. Д.К. Зеленина. – СПб., 1997; *Дмитриев М.А.* Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян северо-западного края. – Вильна, 1869; *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. – СПб., 1885; *Кичигин В.П.* Сказки Юга России (Белгородская область). – Белгород, 2000; Народные русские сказки: Из сборника А.Н. Афанасьева. – СПб., 2008; Русская бытовая сказка. – Л., 1987; Русские народные сказки. – М., 1992; Українські народні казки. – К., 1989.

своей модели мира, пусть и сказочной. Существовали некоторые нормы, закономерности, типажи героев, что становится основой исследования. Модели отношения к старикам, отражённые в сказках, уточнялись изучением пословиц и поговорок¹. В качестве источника для изучения отношения к старикам, их внешней атрибутики привлекаются записи распространённых в XIX в. русских народных песен².

Во второй половине XIX в. появляются работы живописцев, отразившие всё многообразие русской действительности в духе критического реализма. Образы крестьянской старости были запечатлены художниками В.А. Тропининым, В.Г. Перовым, В.И. Суриковым, Г.Г. Мясоедовым, Н.П. Богдановым-Бельским, В.Е. Маковским. Они рассказывают о внешнем виде стариков, их занятиях, участии в обрядовой жизни, месте в семье и крестьянском обществе.

Таким образом, мы обращаемся к разнохарактерным источникам, анализ которых позволяет нам приблизиться к пониманию явления «старость» в русской крестьянской среде XIX в.

Историография изучаемой проблемы. В отечественной историографии миру старости в крестьянской деревне не уделялось внимания. Исследователи не находили научной перспективы подобных изысканий. Стариков воспринимали как носителей традиций, обращались к ним, собирая народные пословицы, песни, сказки, обряды. В дореформенный период старики могли привлечь внимание исследователей и публицистов разве что своим исключительным долголетием³ да знанием исторического прошлого своих родных мест⁴.

Власть стариков и формы её проявления в крестьянской семье второй половины XIX века среди прочих вопросов освещает Е.Т. Соловьёв. Анализируя сведения, полученные по всем сёлам Мамадышского уезда Казанской губернии, исследователь предполагал, что отмеченные черты можно распространять на всё великорусское население Российской империи. Нормой была «неограниченная власть владыки семьи»⁵, власть именно «старшего», который иногда прислушивался к советам своего старшего сына.

О том, какие извращённые формы может приобретать власть патриарха, размышлял С.С. Шашков⁶. Исследователь упоминает о снохачестве, признаёт его явлением, распространённым и в XIX веке.

¹ Русские пословицы, собранные А.В. Кольцовым // Воронежская беседа. – СПб., 1861. – С. 1-20; *Мери-Хови*. Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. – СПб., 1882; *Даль В.И.* Пословицы русского народа. – СПб., 2012; *Иллюстров И.И.* Сборник российских пословиц и поговорок. – Киев, 1904.

² Народные русские песни из собрания П. Якушкина. – СПб., 1865; *Соболевский А.И.* Великорусские народные песни. – Т. I. – СПб., 1895; *Он же*. Великорусские народные песни. – Т. VII. – СПб., 1902; *Воскресенский В.А.* Русская народная поэзия. – СПб., 1902; Русские песни. – М., 1952.

³ Примеры необыкновенной старости в Российской империи в 1822 г. // Отечественные записки, 1825. – № 63. – С. 424-426.

⁴ *Мельников П.* Дорожные записки по пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки, 1840. – № 12. – С. 650-675.

⁵ *Соловьёв Е.Т.* Очерк семейственного права русских крестьян Мамадышского уезда. – Казань, 1878. – С. 11. 11.

⁶ *Шашков С.С.* История русской женщины. – СПб., 1879.

В исследовании А. Ефименко¹ показаны функции «большака» и «большухи» в семье, подчёркивается сохранение иерархии в отношениях между домочадцами, превосходство мужчины над женщиной, несмотря на её возраст. Исследователь обозначила и факторы, которые определяли положение стариков в крестьянской семье: уровень благосостояния домохозяйства и способность старика к наживе.

Наличие в семье стариков и детей в чрезмерно большом числе на одного взрослого А.И. Васильчиков считал достаточным основанием, чтобы причислить такую семью к беднейшим².

Анализируя связанную с падением авторитета стариков тенденцию семейных разделов, К.Р. Качоровский приходит к выводу, что «разложение большой семьи преувеличено»³, хотя в пореформенной России, по замечанию исследователя, отношения в семье стали приближаться к равноправию. Это означает и качественное изменение содержания авторитета старших в семье. Старики же не поддавались либерализации, старые женщины привычно признавали превосходство мужчин над ними.

Основываясь на этнографических материалах корреспондентов бюро князя В.Н. Тенишева, В.В. Тенишев⁴ показывает прочные позиции стариков в семейном обычном праве: даже после семейного раздела, проживая в другом домохозяйстве, старики вершили домашний суд над всеми своими детьми и внуками.

Общим местом в работах большинства исследователей стало изображение стариков в семье как «почтенной обузы»: даже немощные они пользуются авторитетом, вершат суд над домашними, но вот неурожай или раздор между невестками, и их власти уже не хватает, чтобы удержать семью от раздела.

В то же время, рассматривая вопрос о месте стариков в крестьянском обществе, их общественных функциях, можно увидеть, что община, мир стояли на более патриархальных позициях по отношению к старикам: «старики почтенные» были влиятельны на сходах, отмечают исследователи обычного права. Правда, к началу XX века приходит в упадок такой институт, как суд стариков. Так, исследуя вопросы местного самоуправления, С.Г. Алексеев приводит данные по Полтавской губернии, отмечая, что на расспросы прокурора о мирских сходах стариков он не получил «удовлетворительного указания относительно какого-либо случая обращения крестьян к их суду»⁵.

Изучая вопрос о принципах и механизме земельных переделов и поравнений в Российской империи XVIII – первой четверти XIX веков, В.П. Воронцов упоминает о приглашении «лучших людей из стариков честного поведения»⁶. Они должны были согласить крестьян из селений

¹ Ефименко А. Исследования народной жизни: обычное право. М., 1884.

² Васильчиков А.И. Сельский быт и сельское хозяйство в России. – СПб., 1881. – С. 41.

³ Качоровский К.Р. Народное право. – М., 1906. – С. 235.

⁴ Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. – Брянск, 1907.

⁵ Алексеев С.Г. Местное самоуправление русских крестьян XVIII-XIX вв. – М., 1902. – С. 251.

⁶ Воронцов В.П. К истории общины в России. Материалы по истории общинного землевладения. – М., 1902. – С. 122.

Рыльского уезда Курской губернии к межселенному переделу земли по числу душ.

Изучая как явление русскую народную медицину, Г. Попов¹ подчёркивает как непрременную черту преклонный возраст носителей этого потаённого знания. Именно такие знахари вызывали доверие и уважение у своих подопечных, излечивали с гораздо большим успехом, а в случае неудач ни у кого не возникало нареканий.

Показывает стариков вне семьи, вне общины С.В. Максимов². Определяя категории нищих и причины их бедственного положения, он замечает их общую черту – преимущественно пожилой возраст.

Условия крестьянского быта и состояние крестьянских хозяйств интересовали общественного деятеля и публициста А.И. Шингарёва³. В его работе приводятся данные по двум селениям Воронежского уезда Воронежской губернии: Ново-Животинное и Моховатка. Антисанитария, располагающая к болезням, крошечные, истощённые наделы – условия «немыслимые для жизни» действовали на всех крестьян, но наиболее уязвимыми, по замечанию исследователя, были старики. Хотя заболеваемость среди крестьян в возрастной категории свыше 60 лет была намного меньшей из всех возрастных категорий, зато расстройство питания (неурожай, голод) именно для стариков чаще всего становилось причиной смерти.

Динамика численности стариков, уровень смертности по отдельным возрастным категориям, модальный возраст для смерти и главные причины смерти в старческом возрасте интересовали исследователей-демографов. Внимание к старикам как к отдельной возрастной группе проявил С.А. Новосельский⁴. Изучая статистические данные, он обратил внимание на интересную постоянную тенденцию: снижение темпов естественной убыли населения в возрасте от 80 лет по сравнению с другими возрастными категориями. Исследователь предложил своё объяснение этому феномену «естественным отбором»: только самые жизнестойкие крестьяне, способные перенести голод и эпидемии, доживали до этого возраста. Сравнивая смертность отдельных возрастных категорий в конце XIX – начале XX вв. с предшествующим периодом, С.А. Новосельский отмечает её рост именно у стариков, связывая это с ухудшением жизненных условий.

Интерес к старикам проявляли этнографы. Исследователи обращались к ним как к главным воспитателям молодого поколения⁵, хранителям и трансляторам культурного опыта⁶, главным действующим лицам в

¹ Попов Г. Русская народно-бытовая медицина: по материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. – СПб., 1903.

² Максимов С.В. Бродячая Русь Христа-ради. – СПб., 1877.

³ Шингарёв А.И. Вымирающая деревня: Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. – СПб., 1907.

⁴ Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. – Петроград, 1916.

⁵ Семёнова-Тян-Шанская О.П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта одной из черноземных губерний. – М., 2010.

⁶ Сумцов Н.Ф. Очерки народного быта. Из этнографической экскурсии 1901 г. по Ахтырскому уезду Харьковской губернии. – Харьков, 1902.

некоторых особых русских народных обрядах, требующих «ритуальной чистоты», продолжительной безгреховности¹.

Не став самостоятельной темой для изучения, старики-крестьяне оказались рассеяны по исследованиям, посвящённым самым разным сторонам жизнедеятельности крестьянского мира. В исследованиях дореволюционного периода о стариках упоминается в связи с вопросами статуса женщины в семье, функционирования крестьянской общины, местного самоуправления, обычного права, бытового уклада, народно-бытовой медицины, нищенства, демографии, этнографии.

Гораздо больше внимания к старикам проявлялось в русской художественной литературе XIX века. Передавая образ деревни, писатели не обходятся без стариков – органичной её составляющей, иначе картина чувствовалась незавершённой. Мир крестьянской старости предстаёт в образах героев художественных произведений Л.Н. Толстого² (крепостная деревня первой половины XIX в.) и И.А. Бунина³ (деревня пореформенной России). Народный быт пореформенной России без идеализаций, с критикой его тёмных сторон отражён в творчестве русских писателей-реалистов второй половины XIX века⁴: Н.В. Успенского, Г.И. Успенского, В.А. Слепцова, А.И. Левитова, Ф.М. Решетникова, Н.И. Наумова, Н.Н. Златовратского, С. Каронина, А.И. Эртеля. В рассказах и повестях схвачены мельчайшие детали: внешний вид стариков, их манера поведения, разнообразная деятельность в семье и востребованность их опыта в сельском обществе, их оценка действительности, отношение к своему возрасту и к смерти.

В художественной литературе и очерках⁵ последней трети XIX – начала XX веков старики резко противопоставлены пореформенному поколению, лейтмотивом всех произведений становится падение авторитета стариков, остро ставится проблема «беспризорности» стариков в семье.

В историографии первого десятилетия советской власти авторы противопоставляли косному, патриархальному старшему поколению прогрессивную, идейную молодёжь. В работах исследователей звучала критика крестьянского традиционализма и стариков как его носителей, констатировался раскол деревни на старую и новую. Предпринимались попытки доказать нарастающее безразличие крестьян к ценностям православия, несостоятельность и бесполезность вероучительной функции стариков⁶.

В советской историографии изучение социальных тенденций не мыслилось без анализа экономического уклада общества. Для системного подхода к изучению мира старости в русской крестьянской деревне важны

¹ Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре, 1901-1913 гг. – М., 1994.

² Толстой Л.Н. Утро помещика // Смерть Ивана Ильича: повести и рассказы. – Л., 1983. – С. 60-61.

³ Бунин И.А. Собрание сочинений. В 6 т. – Т. 3. Повести и рассказы. – М., 1987.

⁴ Крестьянские судьбы: рассказы русских писателей 60-70 гг. XIX в. – М., 1986.

⁵ Иванов Г. Люди и нравы. Очерки // Отечественные записки, 1877. – № 10. – С. 243-286.

⁶ Кретов Ф. Деревня после революции. – М., 1925; Яковлев Я. Наша деревня: новое – в старом и старое – в новом. – М., 1924.

работы, посвящённые социально-экономическим процессам, происходившим в крестьянской общине¹.

Изменения крестьянской ментальности были изучены Л.И. Кучумовой²: обозначено ослабление влияния традиций. В 80-х гг. XX в. возрастает и вплоть до сегодняшнего времени сохраняется интерес к духовному миру русского крестьянства, особенностям крестьянского менталитета³.

Трансформация ценностных ориентаций в крестьянской среде на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. показана в коллективной работе П.С. Кабытова, В.А. Козлова, Б.Г. Литвака⁴. Эволюция общественного сознания крестьян здесь изучается с привлечением писем, высказываний крестьян, мемуаров. Особое внимание уделено анализу религиозных представлений различных социальных групп крестьянства, прослеживается постепенная утрата монархических иллюзий – веры в доброго царя.

В обобщающей работе Б.Н. Миронова⁵ дана общая характеристика менталитета сословий как фактора социальной динамики, показана трансформация приоритетов, ценностей в сельской крестьянской общине на протяжении XIX столетия. Автор отмечает, что в первой половине XIX века «социальный статус крестьянина в общине, та роль, которую он играл в семейных и общественных делах, зависели в большей степени от пола и возраста, чем от имущественного положения». В пореформенный период пол и возраст человека всё ещё продолжают определять образ жизни людей, их функции, поведение, но в прошлое уходит корпоративизм, основанный на поле и возрасте.

Этнографический подход к проблеме традиционных устоев деревенской жизни предпринят в работе М.М. Громько⁶. Автор показывает влияние реалий социально-экономической действительности на традиционную систему ценностей крестьянского мировоззрения. В исследованиях нашли отражение вопросы, связанные с основными принципами взаимоотношений между поколениями⁷, участием стариков в семейной и общинной обрядности⁸.

¹ Анфимов А.М., Зырянов П.Н. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861-1914 гг.). // История СССР, 1980. – № 4. – С. 26-41; Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян европейской России (1881-1904 гг.). – М., 1984.

² Кучумова Л.И. Из истории земельной общины в 1877-1880 гг. // История СССР, 1978. – № 2. – С. 115-127.

³ Зотова О.И. Особенности психологии крестьянства (прошлое и настоящее). – М., 1983; Пушкарев Л.Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам и поговоркам XVII-XVIII вв. – М., 1994; Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.): Материалы международной конференции. – М., 1996.

⁴ Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. – М., 1988.

⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.). В 2 т. – СПб., 2000.

⁶ Громько М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. – М., 1986.

⁷ Бернштам Т.А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – начало XX в.). Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Articl.

⁸ Она же. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX-XX вв. – Л., 1988.

⁸ Тульцева Л.А. Религиозные верования и обряды русских крестьян на рубеже XIX и XX веков // Советская этнография, 1978. – № 3. – С. 31-46; Любимова Г.В. Способы борьбы с засухой в традиционной обрядности русских крестьян Западной Сибири. Режим доступа: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/Data/?html=gn9.htm&id=361>; Мухина З.З., Пивоварова Л.Н. Институт повивальных бабок и родильная обрядность во второй половине XIX – начале XX века (на примере Курской губернии) // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. – Белгород, 2006. – Т. 1. – С. 264-269; Скорик А.П., Панкова-Козочкина Т.В. Казачьи заговоры и гадания // Преподавание истории в школе, 2010. – № 4. – С. 70-72.

Не обошли вниманием представителей старшего поколения авторы, занимавшиеся исследованием института крестьянской семьи¹. В работах анализируется содержание хозяйственной, воспитательной, вероучительной функций старшего поколения.

Сведения об особенностях крестьянского семейного быта, народной этике содержит фундаментальный труд «Русские»². Всё многообразие крестьянской повседневности представлено в исследовании В.Б. Безгина³: показаны и отдельные стороны быта стариков (их участие в обрядовой жизни, функции в семье, детально проанализирован такой институт, как суд стариков).

Уточнению возрастных критериев наступления старости, изучению особенностей одежды стариков, выяснению отношения старшего поколения к старости и смерти посвящена работа А. Панченко⁴ Исследователя интересовали и такие явления в крестьянской среде, как знахарство и старчество.

В большей степени в центре внимания исследователей оказывались функции стариков, модель отношения к ним, как явления наиболее зримые. Руководствуясь положением марксизма об экономическом базисе общества, советские исследователи заостряли внимание на экономическом факторе в истории. В постсоветский период исследователей начинают привлекать в большей степени духовные основы крестьянского общества (отношение к ценностям православной культуры, верования, обряды). Эволюция восприятия старости как жизненного этапа, специфические ценности мира старости, самоидентификация стариков, их роль в передаче традиций – все эти проблемы ещё требуют дальнейшего изучения.

Методология исследования состоит в принципах научной объективности, историзма, в соответствии с которыми общественные явления и мышление человека нужно рассматривать во взаимосвязи, учитывая время и место их функционирования, историю их возникновения и развития. Системно-исторический подход предполагает изучение темы в динамике, выявляя факторы эволюции представлений о старости в крестьянской среде.

Специфика инструментария исследования состоит в использовании антропологического подхода к социальной истории. Историческая действительность рассматривается в субъективной реальности, через восприятие общества, его отдельных слоёв. Поставленные в нашем исследовании задачи входят в проблематику истории ментальностей: изучаются установки сознания, социокультурные представления русского крестьянства, связанные со старостью как этапом жизни, раскрывается

¹ Милогорова И.Н. Распределение хозяйственных функций в пореформенной крестьянской семье // Советская этнография, 1991. – № 2. – С. 93-102; Леценко В.Ю. Семья и русское православие (XI-XIX века). – СПб., 1999; Кузьмин А.В. Крестьянская семья второй половины XIX – начала XX вв. в оценках писателей-современников // Вестник Тамбовского университета. – Вып. 1 (45). – 2007. – С. 117-119.

² Русские. – М., 1999.

³ Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). – М., Тамбов, 2004.

⁴ Панченко А. Образ старости в русской крестьянской культуре. Режим доступа: <http://bg-znanie.ru>

мировосприятие крестьян-стариков как отдельной социальной возрастной группы.

Методы исследования: В исследовании применяется метод анализа статистических данных, отражающих половозрастной состав населения Российской империи. Сравнительно-исторический и историко-психологический методы позволяют сопоставить мир старости в крестьянской среде первой половины XIX века и в пореформенной деревне Российской империи, обозначить общее и выявить особенности в восприятии старости, значении стариков. Методы многомерного (кластерного) анализа и контент-анализа применялись при работе с фольклором: пословицами, поговорками, загадками, сюжетами сказок, песен. Историко-типологический метод с учётом такого критерия, как роль и значение старика в семье, позволяет создать условные сценарии старости.

Данные методы способствуют объективному решению задач исследования, привлечению широкой источниковой базы, системному подходу к предмету исследования, освещению его в культурных, социально-психологических и социально-экономических аспектах.

Практическая значимость исследования состоит в том, что основные положения могут быть использованы в работах по социальной истории, для создания обобщающих работ, посвящённых истории крестьянской повседневности, социальной психологии, особенностям менталитета, для подготовки учебных пособий по истории Центрально-Черноземного региона.

Апробация работы проводилась в 2007 – 2014 гг. на 7 научных конференциях в Белгороде: областной научно-практической конференции (Белгород, 2007 г.), областных этнографических чтениях (Белгород, 2008 г.), региональных историко-педагогических чтениях (Белгород, 2008 г.), Международной научной конференции аспирантов и студентов (Белгород, 2009 г.); Международной научной конференции аспирантов и студентов (Белгород, 2010 г.); региональной научно-практической конференции аспирантов и студентов (Белгород, 2011 г.); Международной научно-практической конференции аспирантов и студентов (Белгород 2014 г.).

Основные положения и выводы диссертации освещены в 9 статьях (2,6 п.л.) и монографии (9,3 п.л.), в том числе три статьи опубликовано в изданиях, входящих в перечень ВАК России.

Соответствие шифру специальности. Диссертация соответствует шифру (паспорту) специальности 07.00.02 Отечественная история; областям исследования: 6. История повседневной жизни различных слоёв населения страны на соответствующем этапе её развития, 18. Исторические изменения ментальностей народов и социальных групп российского общества, 20. История семьи.

Соответствие тематике НИР. Тема диссертации соответствует тематике научных направлений НИУ «БелГУ»: «История черноземного региона России», «Эволюция сословной структуры общества Центрального Черноземья XIX – начала XX вв.».

Структура диссертационной работы включает введение, три главы (8 параграфов), заключение, список источников и литературы, приложение, состоящее из таблиц и репродукций.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Понятие старость в крестьянской среде: хронологические рамки и внешние признаки» определяются границы и внешние черты изучаемого явления.

Первый параграф «Критерии наступления старости в крестьянской среде» обобщает представления русских крестьян о моменте наступления старости. Для выяснения содержания критериев анализу подвергались произведения художественной литературы XIX века, фольклор. В крестьянской среде бытовало три критерия наступления старости: физиологический (появление морщин, седины), социально-экономический (окончание тяглового срока и женитьба сыновей), хронологический (возрастная граница размыта: от 40 до 60 лет). Сопоставление фактов упоминания о сроке наступления старости даёт возможность определить сравнительную значимость этих критериев. Наиболее значимым в крестьянской среде был социально-экономический критерий. На основе анализа материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи был установлен возраст, с которого начинается снижение экономической активности крестьянства – 50 лет. Знание этой возрастной границы позволяет уточнить долю стариков (мужчин и женщин) в общей численности населения Курской и Воронежской губерний. Этот показатель изменяется в пределах 12 – 13 %, он сопоставим с общим показателем по всей Европейской России. Доля стариков-долгожителей составляла около 0,2 % и на протяжении XIX века практически не изменялась. Этой возрастной категории (свыше 90 лет) свойственна особенность демографического поведения¹ – жизнестойкость, снижение темпов убыли по сравнению с другими возрастными категориями.

Второй параграф «Внешняя атрибутика старости в крестьянском сознании» раскрывает внешние признаки старости в крестьянской среде и придаваемое им значение, заложенный в них смысл. Во внешности стариков непременна густая окладистая патриархальная борода. У стариков борода символизировала принадлежность к крестьянскому сословию, социальную состоятельность, зрелый ум, житейскую мудрость, концентрацию жизненных сил. Постоянным напоминанием о статусе человека служила его одежда. В середине XIX в. для одежды стариков характерны незамысловатость, строгая сдержанность, однотонность, преимущественно тёмные (синий, чёрный) тона. Старики могли позволить себе в одежде небрежность, отсутствие некоторых деталей. В одежде стариков и особенно старух сохранялись вещи, которые уже давно никто из односельчан не носил. Особенностью поведения стариков было нарочитое остаривание себя, возвращение к юношескому целомудрию, скромность, дистанцирование от страстей. Возможно говорить о специфическом возрастном дисплее (внешнем облике старости). В

¹ Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. – Петроград, 1916. – С. 161; Сумцов Н.Ф. Очерки народного быта. Из этнографической экскурсии 1901 г. по Ахтырскому уезду Харьковской губернии. – Харьков, 1902. – С. 54.

крестьянской среде первой половины XIX в. о старости человека его сединой, морщинами, сутулостью свидетельствовала внешность; тёмная одежда, чёрного или синего цвета, простая, лаконичная, небрежная, ветхая; манера поведения: кряхтеть, горбиться, гладить бороду, хмурить брови, проявлять неспешность, степенность, дистанцироваться от страстей; палка, по слабости ног и чтобы «страх наводить», частые досуги на лавочках. Меньше всего на протяжении XIX в. изменялась стариковская одежда. В конце XIX в. крестьянин продолжал ценить свою принадлежность к миру старости, показывая её стариковской одеждой и манерой поведения. К концу XIX в. стариками осуществляются единичные попытки отступления от сложившихся норм поведения. И, хотя эти попытки встречают удивление остальных крестьян, возрастной дисплей старости в крестьянской среде конца XIX в. уже представляется не таким чётким, как в дореформенной России. На протяжении XIX в. внешний облик старости (возрастной дисплей старости) в крестьянской среде не только предопределялся биологически, но и конструировался социально.

Таким образом, старость в крестьянской среде XIX века – это состояние, которое признавалось за человеком по комплексу физиологических, хронологических, социально-экономических критериев. Крестьянство преимущественно ориентировалось на социально-экономический критерий, связанный с окончанием тяглого срока и женитьбой старшего сына или всех сыновей домохозяина. Обособленность мира старости в крестьянской деревне подчёркивалась внешней атрибутикой: внешностью, одеждой, особой манерой поведения.

Во второй главе **«Роль и место стариков в жизнедеятельности крестьянского общества»** определяется значение стариков в семье и общине.

В первом параграфе *«Роль и место старшего поколения в крестьянской семье»* изучаются тенденции изменения статуса стариков в крестьянской семье на протяжении XIX века. Ключевое место в семье занимали старики, держащие большинство. Основаниями пребывания старика в большинстве семьи были два фактора: его возраст и способность к эффективному хозяйствованию¹. К концу XIX века в крестьянских семьях отдают предпочтение второму основанию. Что касается стариков, отошедших от большинства, то, несмотря на многообразие их функций, деятельности таких стариков придавалось второстепенное значение. Особенно содержательной выглядит воспитательная функция стариков и старух по отношению к младшему поколению крестьянской семьи. Исключительную энергичность старшего поколения возможно объяснить, во-первых, с точки зрения психоанализа, сублимацией подавленных склонностей; во-вторых, с позиций теории «ограниченного континуума»², согласно которой человеческому сообществу отмерено ограниченное число

¹ Ефименко А. Исследования народной жизни: обычное право. – М., 1884. – С. 63.

² Панченко А. Образ старости в русской крестьянской культуре. Режим доступа: <http://bg-znanie.ru>.

лет, и старики, продолжая жить, «заживают» чужие годы, чувствуют себя виноватыми, стараются искупить «вину» посильной работой. В-третьих, с точки зрения социальной психологии, старшее поколение привычно чутко реагировало на социальный контроль со стороны общины, стремилось, чтобы хозяйство не приходило в упадок. Существовала зависимость функциональной нагрузки стариков, отношения к ним от типа крестьянской семьи, её благосостояния. Большим авторитетом пользовались старики в зажиточной неразделённой семье. К концу XIX века обозначилась тенденция увеличения случаев семейных разделов¹, более устойчивые позиции удерживала крестьянская семья в Центральном Черноземье. Анализ посемейных списков крестьян двух селений Белгородского уезда Курской губернии показал преобладание в данной местности неразделённой семьи и, значит, лучшего сохранения патриархального статуса стариков. Опасаясь быть в тягость домочадцам или разорённые семейным разделом старики пополняли ряды нищенствующих². В крестьянской среде разделяли убеждение в обязательной помощи таким нищим. Об устройстве богаделен для безродных стариков заботились земства. Обращение к показателям смертности среди разных возрастных категорий крестьянства по состоянию на конец XIX – начало XX века позволяет прийти к выводу об ухудшении к этому времени жизненных условий стариков, снижении их значения.

Во втором параграфе «*Старики – хранители и главное социальное передаточное звено крестьянского традиционализма*» детализируется содержание концепта «консерватизм» в сознании старшего поколения. Среди прочих причин, таких, например, как присущая аграрному обществу стабильность, возможность успешной ориентации на традицию, консерватизм стариков объяснялся низким уровнем грамотности в особенности этой возрастной категории. Составляющими консерватизма были набожность стариков (объяснение причин событий волей Бога, вера в необходимость молитвы, неременное участие в православных обрядах, таинствах), недовольство гуманизацией (сожаление о потере безусловной власти над детьми, о невозможности «задать им страху» для порядка), готовность соблюдать социальную иерархию в отношениях с представителями других сословий (дворянством, духовенством), сохранение идеологии неравенства полов, недоверие к научному знанию, идеализация прошлого, «подвластность» земле (приверженность традиционно-крестьянскому образу жизни). В первой половине XIX века консерватизм стариков не выглядит чем-то разительным. Высокий статус стариков в крестьянском обществе обуславливает доверие к ним, готовность следовать установленному ими порядку, объясняет традиционализм всего крестьянского мира. По отношению к концу XIX века с большей степенью вероятности можно говорить о консерватизме именно старшего поколения

¹ Русские. – М., 1999. – С. 427.

² Максимов С.В. Бродячая Русь Христа-ради. – СПб., 1877. – С. 3.

крестьянской среды. Некоторые проявления консерватизма (боязнь новшеств, пассивность) уже отвергаются молодёжью.

В третьем параграфе «*Старики в обрядовой жизни русской деревни*» показано участие стариков в семейной и общинной обрядности. По аналогии с силами природы, которые представлялись крестьянам в образах старика-лешего, старика-водяного, стариков крестьян воспринимали как хранителей законов крестьянского мира, его защитников от потусторонних сил правильными обрядами. Старики принимали участие в массовых гуляниях, новогодних гаданиях о судьбе. Совета и участия стариков требовали весенние земледельческие работы. Весной старики и старухи проводили охранительные обряды, целью которых было уберечь от гибели домашний скот. Старики проводили обряды, считавшиеся не совсем безопасными: проклинали нечистую силу, завивали последние колосья после жатвы. Старики непременно участвовали в обрядах и таинствах, принятых в православной традиции, заботились о воцерковлении детей. Именно старикам чаще всего доверяли священнослужители предметы культа. Участие стариков в некоторых семейных и общинных обрядах объяснялось их продолжительной безгреховностью, для сохранения ритуальной чистоты. Особое место стариков в обрядовой жизни русской деревни объясняется тем, что им приписывался дар общения с духами природы, с представителями нечистой силы и с Богом.

Старики играли важную роль в жизнедеятельности крестьянского общества, скрепляя своей властью семью, располагая опытом, транслируя традиционную систему ценностей новым поколениям. К концу XIX века безусловный авторитет стариков в семье ослабевает. Их статус, значение начинают определяться не возрастом, а способностью эффективно хозяйствовать. Старики, сложившие большинство, сосредоточиваются на выполнении посильных работ, второстепенных в домашнем хозяйстве. Не претерпевает изменений значение стариков в обрядовой жизни русской деревни. В крестьянской среде именно старики, в силу возраста, продолжают считаться носителями «тайных знаний».

В третьей главе «**Психологические установки общественного сознания крестьян, связанные со старостью**» изучается комплекс устойчивых стереотипов, ожиданий, специфика восприятия старости старшим поколением крестьянской среды.

В первом параграфе «*Образ старости в русском фольклоре*» выясняются черты старости как возрастного этапа, закрепившиеся в устном народном творчестве. Русский, украинский, белорусский фольклор признаёт неизбежность старости и невозможность вернуть молодость. Пословицы и поговорки о старости местом старика в доме определяют печь, чтобы коротать досуги и спастись от стариковского озноба. Указание на преклонный возраст в русском фольклоре зачастую подменяется упоминанием только внешних признаков старости: седин, бороды. Старость предстаёт как потеря сил, физическая уродливость, болезни. В одном из святочных гаданий зловещий образ старухи прочно ассоциировался с

бедностью, бедой. В русских пословицах отразилось эмоциональное состояние стариков: старики упрямятся, горюют, сердятся, бранятся, неистовствуют, – как видим, преобладают отрицательные эмоции. Для определения качеств, приписываемых старикам, методом кластерного анализа были изучены сюжеты русских и украинских народных сказок, выяснены типичные качества их героев – стариков и старух. Старик как сказочный персонаж чаще всего наделялся сверхъестественными свойствами, выступал дарителем, колдуном, провидцем. Старикам приписывались больше положительные качества: семейственность, покорность, смекалка, мудрость, милосердие. Некоторые сюжеты сказок показывают, как образ старика-странника принимает сам Господь, иногда его сопровождает седенький старичок – Никола-угодник. В целом, старик как сказочный персонаж позиционировался больше положительно. Старуха в сказках тоже наделялась чудодейственными свойствами, но в меньшей мере, чем старик. Сказки представляют её доверчивой, упрямой, завистливой, болтливой. Причудливо переплелись отталкивающий облик, недобрые намерения и добрые дела в образе сказочной Бабы-Яги, постхристианской трансформации бабы-берегини. Старуха в сказках позиционировалась скорее отрицательно. В равной степени старикам и старухам сказки приписывают глупость и лень. Русские пословицы формулируют социально-одобряемую, желательную модель поведения старика. Старым предписывается думать о спасении души, не брать на душу греха, не уподобляться молодым, вступая в брак. Отступление старика от этой модели поведения высмеивается, осуждается. Анализируя пословицы, можно увидеть целую палитру чувств, которые вызывало к себе старшее поколение: благоговение, почтительность, доверие, снисходительность, пренебрежительность, враждебность. Русский фольклор передаёт спокойное восприятие смерти старого человека, как нечто естественное, заурядное. Устное народное творчество показывает старость жизненным этапом с собственными ценностями, моделью поведения, дифференциацией качеств стариков и старух и отношения к ним.

Во втором параграфе «*Отношение к старости в крестьянской среде*» показаны варианты отношения к старикам в крестьянском обществе и факторы его изменения. В крестьянской семье на протяжении XIX века отношение к старикам претерпевало изменения: от безусловного признания их авторитета до безразличия и даже раздражения. В крестьянской общине был востребован хозяйственный и житейский опыт стариков. Старики выступали представителями крестьянских интересов, исполняли какую-либо выборную должность. Характерно, что в случае какой-либо серьёзной, бедственной ситуации, грозящей всей общине, крестьяне зывали о помощи именно к старикам. Крестьянство приписывало старикам тайные знания, сверхъестественные способности, питало исключительное доверие к старшему поколению, которое занималось знахарством. Особым почётом в деревне пользовались повитухи. На протяжении XIX века существовал особый институт – общественный суд стариков. Если в первой половине столетия он пользовался авторитетом, то к концу XIX века его приговоры

ставятся под сомнение, присутствие стариков на сходе рассматривается как формальность, дань традиции. Изменение отношения к старикам объясняется экономическими («земельный голод»), социальными (семейные разделы), культурными (рост образованности) факторами.

В третьем параграфе «*Восприятие старости старшим поколением в крестьянской семье*» характеризуются особенности мироощущения стариков. Крестьянам-старикам была свойственна устойчивая положительная самоидентификация со своей возрастной категорией. Напрямую об этом свидетельствуют высказывания стариков о себе. Косвенным показателем самоидентификации служила внешняя атрибутика, следование «стариковской» манере поведения. Крестьяне-старики сознательно причисляют себя к миру старости. Старикам было присуще спокойно-равнодушное перенесение старости, досада на безрадостную старость. Причинами этого были немощь и болезни. Своим поведением старики намеренно подчёркивали старческую дряхлость. Опасаясь быть в тягость домочадцам, глубокие старики ждали смерти. Наиболее частым возрастом, до которого доживали старики, по заключению демографов, был возраст в 70 лет. Главными причинами смерти в старческом возрасте были сердечнососудистые заболевания¹ и расстройство питания². Старики-крестьяне воспринимали смерть как желательное событие, готовились к ней, укрепляясь в вере, уходя в монастырь, припасая одежду «на смерть». Перед смертью, на границе бытия и небытия, старики оставляли домочадцам завет-наставление. Слово умирающего считалось очень важным, завет старались исполнить. Не будучи свободными в создании индивидуальных образов старости, старики XIX века прикладывали немало стараний, проявляли волевые усилия, чтобы соответствовать социально одобряемой модели поведения. Во многом этому способствовал социальный контроль крестьянской общины.

Итак, в общественном сознании крестьянства существовали комплекс психологических установок, связанных со старостью, и социально-одобряемый образ старости. Вплоть до конца XIX века старики прилагали усилия, чтобы соответствовать этому образу. Старость воспринималась как неизбежная и нежелательная, и старики её подчёркивали. За стариками признавался опыт, им приписывались потаённое знание и духовные силы. Устойчивыми характеристиками физического и состояния стариков стали немощь, болезни, хрупкость. Телесные недуги обесценивали жизнь, и старикам предписывалось заботиться о душе, укрепляться в вере молитвами, ожидать смерти.

В **заключении** обобщаются выводы по результатам исследования. Среди сословий русского общества XIX века наиболее консервативные представления о старости как возрастном этапе бытовали в крестьянской среде. На протяжении XIX в. внешний облик старости (возрастной дисплей

¹ Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. – Петроград, 1916. – С. 179.

² Шингарёв А.И. Вымирающая деревня: Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. – СПб., 1907. – С. 178.

старости) в крестьянской среде не только предопределялся биологически, то есть был связан с физиологическими закономерностями развития человеческого организма, но и конструировался социально, то есть отдельный старик-крестьянин пытался соответствовать существовавшим в крестьянском обществе ожиданиям. Старого человека в крестьянской среде воспринимали двойственно: одновременно он был и «неполным человеком», и «больше, чем просто человеком». Особое место стариков в крестьянском обществе можно передать как «хранители закона гармонии». Старики обеспечивали согласованность таких систем, как «семья», «хозяйство», «мир», «Бог», «природа». Понятно, что эти системы выделены с достаточной степенью условности. Так, «семья» и «хозяйство» воспринимались как одно целое, подменяясь понятиями «домохозяйство» или «двор». Но к системе «семья» мы причислим взаимоотношения между членами семьи, а к «хозяйству» – работы. Достичь гармонии этих систем можно было только чутко прислушиваясь к их воле и руководствуясь ею. Это объясняет нам такие черты мировосприятия старшего поколения как включённость и подчинённость. С помощью многочисленных примет старики расшифровывали волю природы и выстраивали в соответствии с ней хозяйственную деятельность. Обращаясь к христианским заповедям, признавая непреложность нравственных законов, старики вершили суд в семье и на миру. Старики представляются своеобразным «передаточным звеном», которое транслирует волю Бога, волю природы, не вторгаясь со своей личной волей. Доверие к старикам было обусловлено не только их жизненным опытом, но и этой «личной пассивностью»: они – только передают. В отношении второй половины XIX в. с достаточной степенью условности можно говорить о существовании нескольких «сценариев старости», судя по тому, как старики понимают свою жизненную задачу:

– «страхом спасать» – старость в зажиточной неразделённой семье, где старик является «патриархом», «держит большинство» примером в выполнении хозяйственных работ или мудрыми советами; здесь в почитании старости следуют традициям; доля таких неразделённых семей к концу XIX в. уменьшилась, возобладали малые семьи, на более консервативных позициях в этом отношении стоял Черноземный регион;

– «лапти плести» – старость «отошедшего от большинства» или после семейного раздела оставшегося на попечении одного из детей; совесть быть в тягость домочадцам, немощный старик сосредоточивается на выполнении посильных для него работ, встречает снисходительное к себе отношение, терпит побои;

– «с сумой по миру идти» – старость в нищенстве: старики покидают дом, где жизнь на содержании детей стала невыносимой, и просят милостыню или живут в богадельне; это старость бывших бессемейных дворовых людей и бобылей-одинок.

В эти «сценарии» вписываются как старики, так и старухи: при старике, «ведущем большинство», и старуха пользуется почётом. Данные модели поведения соизмеримы с жизненными этапами старика: «большаком»

мог быть пятидесяти – шестидесятилетний, затем он снимал с себя большую, его значение снижалось, глубоким старцем в бедной семье уже тяготились. Без внутреннего сопротивления, смирившись с неизбежностью, вступал крестьянин в мир старости. Беззащитное, хрупкое время старости изводили болезни и немощи. Они обесценивали жизнь в представлении стариков. Единственным естественным избавлением виделась смерть. Нравственную опору старики находили в религии, укрепляясь в вере и, как высшую ценность, завещая её потомкам.

Публикации в ведущих рецензируемых журналах, входящих в список, утвержденный ВАК РФ:

1. *Кобзарева, Н.И.* Внешняя атрибутика старости в русской крестьянской деревне XIX в. / Н.И. Кобзарева // Преподавание истории в школе. 2014. № 4. С. 75–78 (0,4 п.л.).

2. *Кобзарева, Н.И.* Содержание концепта «консерватизм» в сознании старшего поколения русской крестьянской деревни XIX века / Н.И. Кобзарева // Преподавание истории в школе. 2014. № 5. С. 73–76 (0,4 п.л.).

3. *Кобзарева, Н.И.* Образ старости в русском фольклоре / Н.И. Кобзарева // Преподавание истории в школе. 2014. № 6. С. 69–72 (0,4 п.л.).

Монография:

4. *Кобзарева, Н.И.* Старость в общественном сознании русского крестьянства XIX века: Монография / Н.И. Кобзарева. Белгород: Издательство Белгородского университета кооперации, экономики и права, 2013. 160 с. (9,3 п.л.).

В других научных изданиях:

5. *Кобзарева, Н.И.* Особенности воспитания личности в крестьянской семье первой половины XIX века / Н.И. Кобзарева // Традиции рода, семьи в гражданском становлении личности (материалы областной научно-практической конференции). – Белгород, Управление культуры Белгородской области, Белгородский государственный музей народной культуры. 2007. С. 75–79 (0,3 п.л.).

6. *Болгова, А.М., Кобзарева, Н.И.* Игрушка как средство воспитания в крестьянской семье первой половины XIX в. / А.М. Болгова, Н.И. Кобзарева // Мир традиций: сборник. Вып. 4.: Народные игры и игрушки. Белгород, КОНСТАНТА, 2008. С. 7–10 (авт. вклад 0,2 п.л.).

7. *Кобзарева Н.И.* Гуманистический аспект деятельности земств в конце XIX – начале XX вв. (по материалам журналов заседаний Грайворонского уездного земского собрания) / Н.И. Кобзарева // Духовно-нравственное воспитание: прошлое, настоящее, будущее: материалы III Региональных историко-педагогических чтений (БелГУ. Белгород, 20 ноября 2008 г.). Белгород. Издат.-во БелГУ, 2008. С. 45–47 (0,2 п.л.).

8. *Кобзарева, Н.И.* Интерес хозяйствующего субъекта к технологическим изменениям в отраслевой структуре сельского хозяйства в

1901 – 1906 гг. как предпосылка технологического развития (по материалам издания Курского губернского земства «Текущая сельскохозяйственная статистика») / Н.И. Кобзарева // Вестник СНО. Вып. XIII. Белгород, 2009. С. 28–32 (0,3 п.л.).

9. *Кобзарева, Н.И.* Неразделённая семья как социальный резерв аграрной реформы начала XX века на юге Черноземья / Н.И. Кобзарева // Белгородский диалог – 2010. Проблемы российской и всеобщей истории: Сб. науч. тр. Междунар. науч. конф. студ., маг. и аспирантов. Белгород, 2010. С. 187–190 (0,2 п.л.).

10. *Кобзарева, Н.И.* Феномен старости в крестьянской среде второй половины XIX века: критерии и особенности восприятия / Н.И. Кобзарева // Материалы научно-практической конференции «Наука и кооперация: проблемы и пути развития», 12–14 апреля 2012 г. Белгород, 2012. С. 25–32 (0,2 п.л.).

Подписано в печать 29.09.2014. Times New Roman.

Формат 60×84/16. Усл. п. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ 199.

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»

308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

